

В России примерно 110 миллионов избирателей. Среди них есть самые разные типы: назовем наиболее известные – опираясь на результаты опроса, проведенного «Левада-центром», всем известным иностранным агентом¹, в конце августа 2021 года. Сейчас, когда уже объявлены результаты выборов, когда озвучены комментарии к ним с разных сторон, может возникнуть вопрос: зачем говорить о намерениях избирателей, какими они были за три с лишним недели до голосования? Ответ в том, что рассмотренные здесь мнения и намерения еще не испытали влияния ни массивной предвыборной агитации, ни разных форм административного давления. Поэтому они хорошо отражают состояние общественного мнения в наименее искаженном виде.

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

Итак, примерно половина электората не исключает, что будет участвовать в выборах. А ее половина в свою очередь заявляет, что обязательно будет голосовать, поскольку стремится тем самым выразить поддержку режиму во главе с президентом Владимиром Путиным. У этих избирателей есть «ядро», имеющее вполне определенный демографический профиль. Среди лиц старше 65 лет три четверти, то есть именно столько, сколько выражали одобрение деятельности Путина, намеревались принять участие в выборах, и среди них был выше всех процент намеревавшихся поддержать ЕР. (И, чем моложе избиратели, тем меньше у них стремления идти на выборы и тем меньше планов голосовать за ЕР.)

«Центр тяжести» путинского электората, средоточие его символической поддержки находится именно в этой возрастной группе, где – в силу исторических причин – слабее навык работы с информацией, ниже доходы и максимальна зависимость от государства как в материальном, так и в информационном отношении. В российской общественной культуре сила связывается с молодостью и мужским полом. Соответственно, группа, в которой сосредоточены более возрастные граждане с преобладанием женщин, живущие на государственные пенсии, оказывается (в том числе в их собственных глазах) полюсом (социальной) слабости. Именно в силу этой слабости представители данной группы держатся за существующий порядок вещей: опыт говорит им, что перемены только ухудшат их положение. И когда гораздо более молодые, чем эти избиратели, здоровые и несопоставимо более богатые политики объявляют, что мы, мол, консерваторы, то они присваивают выстраданную жизненную позицию этих людей и

обращают ее в товар, который надеются продать на политическом рынке.

Но это не единственный грех российских элит. Консервативный дискурс они навязывают остальному обществу: в его духе пишутся школьные учебники и снимаются «исторические» сериалы. По их вине вырастет поколение молодых россиян, у которых будет нечто непоправимо старческое в мозгах и душах. И они, бедняги, будут думать, что это наше родное, национальное. В духе такого консерватизма нынешние элиты ищут нишу для России в мире: это претензия быть Российской империей времен Николая I или Александра III. Только к ней теперь добавлена деталь из молодецкого репертуара – игра в опасного лихача, грозящего то тут то там перейти «красную черту». Дремучий консерватизм – наиболее выгодный контрастный фон для ухарских выходов.

Примерно треть электората – это те, кто в нынешних обстоятельствах думал, что не пойдет или скорее всего не пойдет голосовать. Хорошо тем, кто принадлежит сам себе, как, например, домохозяйки: больше половины из них заявили, что не планируют голосовать, а участвовать собирались менее трети. Многие студенты (примерно 40%) считали, что могут не ходить на выборы без каких-либо последствий для себя. То же – у самозанятых и безработных. Среди рабочих половина сказали, что пойдут, и половина – что не пойдут голосовать. Но если взять сотрудников учреждений, прежде всего государственных, то видно, что власти научились манипулировать их электоральным поведением. За три недели до выборов среди них было больше тех, кто не знал, как им придется поступать, чем тех, кто решил, что не пойдет. А половина уже тогда знала, что пойти придется, но

лишь треть из них намеревались голосовать за ЕР; остальные были готовы отдать свой голос КПрФ и ЛДПР и еще по мелочи остальным.

Интересно получилось с руководящими работниками: 60% заявили о намерении участвовать в выборах, причем за КПрФ будут голосовать чаще, чем за ЕР. Поддержка партии Геннадия Зюганова (в какой-то мере с легкой руки Алексея Навального) в нынешних условиях для многих была формой протестного голосования: похоже, что охваченные нашим опросом руководящие работники нижнего звена хотя бы понарошку играли в выражение непокорности. Москва – город чиновников – тоже собиралась отдать больше голосов коммунистам, чем правящей партии, а ЛДПР обещали даже больше, чем «красным». Это явный признак того, что люди искали альтернативу ЕР, и «умное» ли голосование тут сработало или нет, решать не будем, но нельзя не признать, что Навальный или тот, кто придумал эту стратегию, в очередной раз нашли психологически точный ход для людей, которых почти убедили, что наличная политическая система абсолютно безальтернативна.

В медиа и социальных сетях довольно широко распространялось мнение, что эти выборы разными нитями связаны с президентскими выборами 2024 года и должны стать проверкой поддержки публикой Путина – через отношение к «его» партии. Наш опрос показал, что, действительно, связь между отношением к президенту и электоральным намерением относительно ЕР очень сильная. Что касается отношения к участию в голосовании как таковом, то опрос показал, что если и были надежды или усилия заставить противников Путина не приходить на участки, то этого не получилось. Среди тех, кто не

одобряет деятельность Путина, 36% так или иначе отказывались от участия в голосовании. Но это лишь немногим больше аналогичной доли среди одобряющих деятельность Путина (29%). Принять же участие в выборах среди неодобряющих собирались 46%, не сильно проигрывая активности сторонников Путина (54%).

Но в намерениях за кого голосовать разница кардинальная. Среди одобряющих деятельность Путина голосовать за ЕР намеревались около 30%, а среди неодобряющих – 3%. Среди сторонников Путина по 10% намеревались поддержать не свою «родную» ЕР, а КПрФ и ЛДПР. Это многое говорит об «оппозиционности» этих партий. Но для оппонентов Путина КПрФ – все-таки альтернатива: за нее собиралась голосовать четверть из этой категории избирателей. Еще 12% готовы отдать голоса ЛДПР.

Среди людей моложе 25 лет 42% намеревались не участвовать в выборах, это максимум. Твердое намерение голосовать имели маргинальные 7%, не-твердое – 25%. Поддержать ЕР готовились 12%, это минимум. При этом КПрФ не является для них альтернативой ЕР; скорее эту роль в какой-то мере берет на себя ЛДПР (за нее – 13%).

Несколько слов об отношении избирателей к партии «Яблоко». Быть в оппозиции к Путину и ЕР, как показал наш опрос, ни в коей мере не значит быть сторонником «Яблока». Эта оппозиция во многом – левая. В группе неодобряющих за него отдали бы голоса не более 3%. К тому же «Яблоко» растеряло репутацию партии российской интеллигенции. Возможно, дело в том, что интеллигенции как социальной категории уже нет, как говорят некоторые исследователи, но во всяком случае среди людей с высшим образованием за «Яблоко» го-

тов проголосовать 1%. Некоторый интерес к ней сохранили скорее служащие и домохозяйки (4%). У «Яблока» остались локальные опоры – рассказывают про Карелию и Санкт-Петербург. Наш опрос показал, что в Москве за «Яблоко» собирались проголосовать 8%.

Успех КПРФ есть отчасти выражение неуспеха ЕР, но также это говорит о том, что народной идеологией сейчас является тоска по социальному государству,

образцом которого для большинства служит СССР – не реальный, а мифологизированный. Превратить нынешнюю Россию в такое государство вряд ли кто возьмется, в том числе и КПРФ, если она когда-нибудь вдруг придет к власти. Этой тоске надо трансформироваться в новую мечту, за которую будет смысл бороться. Создать эту мечту – задача тех, кто у нас теперь вместо интеллигенции.